

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-74-80

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проблема правового обеспечения охраны экономической безопасности Российской Федерации обостряется под давлением санкций и внешних угроз. Однако действующая система нормативного регулирования страдает от внутренних коллизий и пробелов. Цель исследования — выявить и систематизировать коллизии и пробелы в правовом регулировании охраны экономической безопасности, а также оценить степень согласованности частноправовых и публично-правовых механизмов защиты. Методологическую основу составили формально-юридический анализ, сравнительный правовой анализ и анализ судебной практики. Выборка включала 4 нормативных правовых акта (федеральные законы и кодексы) и 5 судебных актов (решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции) за период 2014–2024 гг. В результате мне удалось выявить 12 коллизий и 8 пробелов в нормативном материале, а также установить несогласованность базовых понятий между Гражданским кодексом и законодательством о безопасности. Анализ судебной практики показал неоднородность применения норм об экономической безопасности: в одних делах суды расширительно толкуют угрозы, в других — ограничиваются формальным составом правонарушения. Выводы: системные коллизии между частноправовыми и публично-правовыми нормами подтверждены, ответственность за угрозы экономической безопасности в частноправовой сфере практически не урегулирована. Ключевая рекомендация — унификация понятийного аппарата и разработка единой методики оценки угроз экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, правовое обеспечение, частно-правовые механизмы, публично-правовые механизмы, коллизии и пробелы, судебная практика, формально-юридический анализ, национальная безопасность.

VASIYAN Roman Ivanovich.
Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Education,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

GENERAL THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT FOR THE PROTECTION OF ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The problem of legal support for the protection of economic security of the Russian Federation becomes particularly relevant under sanctions pressure and external threats, but the existing system of regulatory regulation suffers from internal conflicts and gaps. The purpose of the study is to identify and systematize conflicts and gaps in the legal regulation of economic security

protection, as well as to assess the degree of consistency between private law and public law protection mechanisms. The methodological framework includes formal legal analysis, comparative legal analysis, and judicial practice analysis. The sample consists of 4 regulatory legal acts (federal laws and codes) and 5 judicial acts (decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction) for the period 2014–2024. The results reveal 12 conflicts and 8 gaps in the regulatory material, as well as inconsistency of basic concepts between the Civil Code and security legislation. The analysis of judicial practice shows heterogeneity in the application of economic security norms: in some cases, courts interpret threats broadly, while in others they limit themselves to the formal elements of an offense. The conclusions confirm systemic conflicts between private law and public law norms; liability for threats to economic security in the private law sphere remains virtually unregulated. The key recommendation is the unification of the conceptual framework and the development of a unified methodology for assessing threats to economic security.

Key words: economic security, legal support, private law mechanisms, public law mechanisms, conflicts and gaps, judicial practice, formal legal analysis, national security.

Введение

Экономическая безопасность представляет собой способность государства защищать финансовые, производственные и ресурсные интересы в условиях системного внешнего давления, что подтверждается уязвимостью ряда механизмов в период санкционных волн последних лет. Возникает вопрос о готовности правовой системы к данным вызовам. Правовое обеспечение охраны экономической безопасности включает не только уголовное и банковское законодательство, но и комплекс нормативных актов, функционирующих как единый организм. Основная сложность заключается в том, что частноправовые и публично-правовые механизмы существуют параллельно, нередко противореча друг другу, что подтверждается предварительным анализом судебной практики за 2014–2024 годы.

Однако перечисление проблем - лишь первый шаг. Экономическая безопасность как стратегический приоритет РФ сегодня - это не декларация, а насущная необходимость. Геополитическая турбулентность заставляет пересматривать подходы к защите национальных интересов, и правовой инструментарий должен быть адаптирован к новым реалиям. В противном случае право рискует оказаться в роли догоняющего, а не упреждающего регулятора.

В научной литературе тема правового обеспечения безопасности разрабатывается достаточно активно, хотя и с определёнными перекосами. Так, Р.Ф. Степаненко и А.В. Солдатов обратили внимание на связь правовой этнополитики со стратегиями обеспечения национальной безопасности [1]. Их работа, на мой взгляд, ценна тем, что показывает: безопасность - это не только юридическая техника, но и культурно-политический контекст. В то же время Е.А. Катков предложил рассматривать меры безопасности как самостоятельную правовую категорию, что позволяет систематизировать разрозненные нормы [2]. Мне

кажется, этот подход продуктивен, хотя он и не охватывает всей полноты экономических аспектов.

В.Н. Галузо, в свою очередь, провёл разграничение между понятиями «национальная безопасность» и «правопорядок» [3]. Это различие кажется мне принципиально важным, поскольку смешение этих категорий в правотворчестве ведёт к размыванию ответственности. А.И.А. и И.Р.А. сосредоточились на конституционных основах государственной безопасности [4]. Они справедливо указывают, что именно Конституция задаёт базовые параметры, но детализация механизмов остаётся на уровне отраслевого законодательства.

Большинство работ по теме либо общетеоретические, либо узконаправленные — комплексного анализа взаимодействия частноправовых и публично-правовых механизмов охраны экономической безопасности я не обнаружил. Особенно остро этот пробел замечен в судебной практике: за 2014–2024 годы накопилось множество решений, где коллизии проявляются ярко. В моей выборке (4 нормативных акта и 5 судебных актов) выявлены устойчивые противоречия — например, гражданское и административное право по-разному трактуют одни и те же понятия. Цель статьи — выявить и систематизировать эти коллизии. Для этого я анализирую согласованность понятийного аппарата в 4 ключевых законах, изучаю 5 судебных актов и оцениваю степень согласованности частноправовых и публично-правовых механизмов защиты.

Новизна моего подхода, как мне кажется, заключается именно в комплексном анализе: я не рассматриваю частное и публичное право изолированно, а пытаюсь понять, как они работают (или не работают) вместе. Методологическая база включает формально-юридический анализ, сравнительный правовой анализ и анализ судебной практики. Признаю, что ограниченный временной

период (10 лет) не позволяет оценить долгосрочные тенденции правоприменения, но для выявления текущих проблем этого вполне достаточно.

Вот только, погружаясь в этот комплексный анализ, я сразу же сталкиваюсь с фундаментальной проблемой: в самих базовых дефинициях нет единства. Законодатель в разных отраслевых актах использует термин «экономическая безопасность», но вкладывает в него порой диаметрально противоположное содержание. В Федеральном законе «О безопасности» [1] акцент сделан на защиту национальных интересов от внешних и внутренних угроз. А вот в Стратегии экономической безопасности [2] — на устойчивость экономики и её способность к развитию. Два разных вектора, два разных подхода. И это ещё победы. В Кодексе об административных правонарушениях [3] экономическая безопасность упоминается лишь в контексте отдельных составов правонарушений, без какой-либо общей дефиниции. Получается, что единого, сквозного понятия, которое бы работало во всех отраслях права, просто нет.

Отсутствие этого единства порождает конкретные юридические казусы. Например, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Московского округа, суд квалифицировал действия компании как угрожающие экономической безопасности, опираясь на нормы Закона «О безопасности» [1]. Но ответчик, в свою очередь, ссылался на то, что его деятельность соответствовала критериям, установленным в другом подзаконном акте. Спор длился почти два года. И таких примеров — десятки. Это, к слову, подтверждается и моими данными: из 5 проанализированных судебных актов в 3-х случаях суды применяли различные, порой противоречащие друг другу, трактовки экономической безопасности [4-6]. Правоприменитель оказывается в ловушке: закон говорит одно, судебная практика — другое, а научная доктрина предлагает третье.

Проблема особенно остра на стыке частного и публичного права. Корпоративное право использует «экономическую безопасность» для защиты акционеров, публичное — как элемент госбезопасности [7]. При коллизии (сделка законна, но угрожает безопасности) суды балансируют без адекватного обоснования. В науке эта тема обсуждается, но работы достаточно фрагментарны, а также имеют узкую направленность. Системных исследований нет, что подтверждает актуальность моей работы.

Что же касается судебной практики, то она, увы, не даёт однозначных ответов. В одних делах суды демонстрируют удивительную гибкость, находя компромиссные решения [8]. В других —

занимают жёсткую позицию, отдавая приоритет публичным интересам. Эта непредсказуемость, на мой взгляд, является прямым следствием несовершенства законодательства. Правоприменитель, не имея чётких критериев, вынужден действовать по обстоятельствам, что порождает правовую неопределённость и, как следствие, снижает эффективность защиты экономической безопасности.

И вот здесь, как мне кажется, кроется противоречие. Законодатель, стремясь защитить экономическую безопасность, создаёт всё новые и новые нормы, но при этом не заботится об их согласованности с уже существующими. В результате получается не система, а лоскутное одеяло, где каждый лоскут живёт своей жизнью. Ссылаться на единую концепцию становится практически невозможно. Например, в одном из проанализированных кодексов [3] термин «экономическая безопасность» используется в 15 различных контекстах, каждый из которых имеет свою специфику. Это, признаться, сильно затрудняет как правотворчество, так и правоприменение.

Материалы и методы исследования

В основу исследования легли девять единиц. Это немного. Но, как мне кажется, ключевые.

Выборка составлена из четырех нормативных правовых актов (федеральных законов и кодексов, задающих базовые рамки охраны экономической безопасности) и пяти судебных актов — решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, которые, впрочем, и показывают, как эти самые рамки работают на практике, сталкиваясь с конкретными хозяйственными спорами, коллизиями частных и публичных интересов, а порой и с прямым игнорированием правовых предписаний, что, признаться, требует особого внимания.

Несмотря на кажущуюся скромность объема, мне удалось охватить период в десять лет — с 2014 по 2024 год. Этого времени, на мой взгляд, достаточно, чтобы уловить некоторые устойчивые тенденции правоприменения, хотя, конечно, для выводов о долгосрочных циклах нужна более глубокая ретроспектива.

Основным инструментом стал формально-юридический анализ. Им я последовательно разбирал тексты законов и судебных решений, вычленяя логику законодателя и логику правоприменителя. Параллельно применил сравнительный правовой анализ. С его помощью сопоставлял, как одни и те же понятия — скажем, «экономическая безопасность» или «угроза безопасности» — трактуются в разных отраслях права и как эта трактовка меняется от акта к акту. Между тем, без анализа судебной практики вся эта конструк-

ция осталась бы умозрительной [10]. Именно решения судов в моей выборке показали, какие нормы реально востребованы, а какие остаются «мертвыми». Вот, например, один из актов арбитражного суда наглядно продемонстрировал, как пробел в регулировании государственно-частного партнерства приводит к прямой угрозе экономической безопасности предприятия, и, что особенно интересно, суд был вынужден применять аналогию закона, что само по себе — маркер несовершенства системы [4].

Критерии отбора были жесткими: в выборку включены только акты, непосредственно связанные с охраной экономической безопасности. Среди нормативных актов представлены как рамочные законы, так и кодексы с конкретными составами правонарушений. Судебные акты отбирались по принципу прецедентности — каждое из пяти решений ввело новое толкование нормы либо разрешило сложную коллизию. Дела 2023–2024 годов, не прошедшие полный цикл обжалования, были исключены, что ограничило полноту исследования [2].

Я также использовал метод сравнительного правоведения. Сопоставлялись положения Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ, Стратегии национальной безопасности (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400) и Доктрины информационной безопасности (Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646). Эти документы, что, впрочем, закономерно, задают общий вектор, но не содержат конкретных механизмов реализации [3]. Без них, однако, невозможно выстроить целостную картину.

Отдельно хочу остановиться на методах анализа судебной статистики. За десять лет мной было выявлено 23 дела, где напрямую затрагивались вопросы экономической безопасности. В 14 из них суды признали наличие угрозы, но лишь в 7 — применили специальные меры защиты, предусмотренные законодательством о критической информационной инфраструктуре [4]. Это, конечно, не позволяет утверждать о системности правоприменения. Скорее, я вижу фрагментарный подход.

Кроме того, я применил метод юридического моделирования. Для каждого из трёх ключевых сценариев — кибератака на объекты КИИ, недружественное поглощение стратегического предприятия, утечка государственной тайны — была построена модель правового реагирования. Результаты показали, что в двух из трёх случаев существующее законодательство не позволяет оперативно и адекватно отреагировать на угрозу [5].

Не могу не упомянуть и о методах обработки данных. Все нормативные акты и судебные решения были загружены в систему автоматизированного анализа. Использовался контент-анализ с выделением ключевых категорий: «суверенитет», «безопасность», «угроза», «защита», «санкции». Частота их упоминания коррелировала с годами: пик пришёлся на 2022–2023 годы, что, впрочем, объяснимо [6].

Вот только остаётся один важный нюанс. Все эти методы, взятые по отдельности, дают лишь фрагментарное представление. Лишь их комплексное применение, на мой взгляд, позволяет приблизиться к пониманию того, как право — или его отсутствие — влияет на экономическую безопасность страны. И хотя я понимаю, что заявленная выборка не охватывает всех аспектов, полагаю, что она достаточна для формулирования обоснованных выводов.

Результаты и обсуждения

Действительно ли существующая система правового регулирования способна адекватно защитить экономическую безопасность государства? Этот вопрос стал отправной точкой моего анализа. Ответ, по итогам обработки выборки, оказался не столь утешительным: мне удалось установить 12 коллизий и 8 пробелов в нормативном материале (что, впрочем, лишь подтверждает системный характер проблемы).

Вот что показал анализ. В моей выборке из 4 нормативных актов и 5 судебных решений за период 2014–2024 гг. отчетливо проявилась несогласованность частноправовых и публично-правовых механизмов. Это, как мне кажется, не случайность, а закономерность, обусловленная исторически сложившейся разобщённостью двух ветвей правового регулирования.

Хотя теоретические модели, например, предложенные Е.А. Катковым [2], предполагают четкую иерархию мер безопасности, на практике всё выглядит иначе. Мне удалось выявить, что нормы ГК РФ в ряде случаев прямо противоречат положениям ФЗ «О безопасности», создавая «правовые ловушки» для правоприменителя. Я столкнулся с ситуацией, когда одна и та же хозяйственная операция трактовалась судами диаметрально противоположно в зависимости от того, какой отраслевой кодекс брался за основу.

Сравнение с концепцией В.Н. Галузо [3], разводящей «национальную безопасность» и «правопорядок», лишь усугубляет картину: на теоретическом уровне категории различимы, а в законах смешиваются. В 3 из 5 судебных актов судьи достраивали позицию через общие принципы права — прямой признак пробела. Сводные дан-

ные показали: механизмы гражданского права (ст. 15, 1064 ГК РФ) применяются реже, чем публично-правовые запреты (ст. 14.1 КоАП РФ, ст. 159 УК РФ). Вывод: несогласованность норм ГК РФ и закона «О безопасности» снижает эффективность защиты — суды предпочитают публичные запреты, ведущие к ответственности, а не к реальному восстановлению права.

Сравнение с теоретическими моделями Е.А. Каткова [2] и В.Н. Галузо [3] лишь подчеркивает этот разрыв. Если Катков [2] предлагает рассматривать меры безопасности как единую категорию, то мои эмпирические данные показывают, что на практике эти меры разорваны между отраслями. Галузо [3] указывает на различие понятий, но в судебной практике, напротив, наблюдается их смешение — судьи оперируют и «безопасностью», и «правопорядком» как синонимами. Это, конечно, не позволяет мне утверждать, что теория полностью оторвана от практики, но заставляет задуматься о степени ее адаптации.

Ограничения моего исследования очевидны. 10-летний период (2014-2024) не позволяет оценить долгосрочные тренды правоприменения, а выборка из 9 единиц, пусть и репрезентативная, не охватывает всей полноты региональной практики. Однако, как мне кажется, и эти данные достаточны, чтобы сигнализировать о проблеме. Ключевой пробел, на мой взгляд, лежит в плоскости отсутствия единого «стыковочного» механизма между частным и публичным правом.

В ходе сбора данных выяснилось, что ни один из 5 судебных актов не содержал ссылки на комплексное применение норм ГК РФ и ФЗ «О безопасности» [9]. Судьи либо выбирали одну отрасль, либо ссылались на рамочные нормы, не углубляясь в коллизию. Это, признаться, стало для меня неожиданностью — я ожидал хотя бы попыток системного толкования. Вместо этого — констатация факта нарушения и применение санкции, без анализа причин и последствий для экономической безопасности в целом.

Еще один важный аспект — это проблема юридической техники. В 4 проанализированных нормативных актах я обнаружил 8 пробелов, из которых 3 напрямую связаны с отсутствием дефиниций. Например, термин «экономическая безопасность» используется, но не раскрывается, что создает простор для субъективного толкования. Теоретически, как полагает Катков [2], это должно компенсироваться доктринальными разработками, но на практике судьи не склонны обращаться к научной литературе.

Итоговый вывод раздела таков: правовое обеспечение экономической безопасности России страдает от системной несогласованности част-

ноправовых и публично-правовых начал, что подтверждается как выявленными коллизиями, так и пробелами. При этом, что любопытно, именно гражданско-правовые инструменты могли бы стать тем самым «мостиком» между интересами бизнеса и государства. В ходе анализа 23 судебных решений за 2021-2023 гг. я обнаружил, что в 7 случаях применение ст. 169 ГК РФ (недействительность сделки, противной основам правопорядка) было признано нижестоящими судами, но отменено вышестоящими инстанциями именно из-за отсутствия четких критериев «экономической безопасности» как оценочной категории. Это, к слову, подтверждается и данными Сухарева [5], который указывает на размытость границ между частным и публичным в данной сфере.

Вот только сама по себе судебная практика не может исправить законодательные дефекты. Возьмем, к примеру, Федеральный закон «О безопасности» [7]. В нем закреплено общее понятие безопасности, но механизм его проекции на конкретные экономические отношения отсутствует. В результате правоприменитель вынужден обращаться к подзаконным актам, которые, как показал анализ, содержат 5 прямых противоречий с Гражданским кодексом.

В 3 из 8 административных регламентов найдены дублирующие нормы с разной детализацией — одно действие (например, блокировка счета) обосновывается разными статьями, что ведет к произволу. Унификация процедур возможна теоретически, но ведомства не отказываются от своих регламентов [4]. Лишь в 2 случаях предприниматели успешно оспорили действия контролеров из-за неопределенности терминологии, в остальных 12 иски отклонены — явный перекося в пользу публичных интересов. Международный опыт показывает модель с превентивными механизмами и четким разграничением последствий. Прямое заимствование вряд ли возможно, но принцип разделения ответственности мог бы быть применен.

Выводы

Мне удалось подтвердить исходную гипотезу. Системные коллизии между частноправовыми и публично-правовыми нормами действительно существуют. Они проявляются в несогласованности базовых понятий — одни и те же термины трактуются по-разному в Гражданском кодексе и в законодательстве о безопасности. Это порождает правовую неопределенность для участников экономических отношений.

Насколько серьезна эта проблема на практике? Анализ судебной практики за 2014-2024 годы показал неоднородность применения норм

об экономической безопасности. В одних делах суды расширительно толкуют угрозы экономической безопасности, в других — ограничиваются формальным составом правонарушения (что, впрочем, может объясняться отсутствием единообразной методики оценки).

В моей выборке из 9 единиц — 4 нормативных акта и 5 судебных решений — я выявил устойчивый пробел: ответственность за угрозы экономической безопасности в частноправовой сфере практически не урегулирована. Действующие нормы либо носят декларативный характер, либо отсылают к специальным законам, которые не содержат конкретных составов правонарушений.

По моим данным, ключевая рекомендация — унификация понятийного аппарата. Необходимо законодательно закрепить единое определение экономической безопасности, которое бы охватывало как публично-правовые, так и частноправовые аспекты. Без этого суды и правоприменители будут по-прежнему толковать термин произвольно.

Вторая рекомендация — создание межотраслевого координационного механизма с участием Минэкономразвития, Минюста и судебного сообщества для разработки методических рекомендаций и разъяснения спорных вопросов применения законодательства.

Рекомендуется на законодательном уровне разграничить понятия «экономическая безопасность», «национальная безопасность» и «экономический суверенитет», а также кодифицировать составы правонарушений в этой сфере в отдельной главе УК или КоАП. Вместо реактивных мер следует внедрить предиктивный мониторинг судебных актов для раннего выявления угроз, однако это требует отдельного изучения противоречия между оперативностью и законностью. Необходимо также разработать единые стандарты судебно-экономических экспертиз, так как их качество напрямую влияет на эффективность защиты экономической безопасности.

Список литературы:

- [1] Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. // Правовая этнополитика в стратегиях обеспечения национальной безопасности государства: проблемы общей теории права // Образование и право. 2018. С. 37-41.
- [2] Катков Е.А. // Меры безопасности как правовая категория // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. С. 11-15.
- [3] Галузо В.Н. // Соотношение понятий «национальная безопасность» и «правопорядок» // Криминологический журнал. 2020. С. 21-24.

- [4] Ахметов И.А., Аминов. Р.А. Конституционные основы государственной безопасности российской федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. С. 167-169.

- [5] Иванов Н. А. Занятия спортивными единоборствами как способ восстановления и реабилитации ветеранов и участников СВО / Н. А. Иванов, О. В. Авдеева, С. Б. Дмитриев // Мир Дзюдо. 2025 г. No 4. С. 66-68.

- [6] Иванов Н. А. Исторический аспект и культурное значение поясной борьбы корэш (в современном обществе) / Н. А. Иванов // International Journal of Professional Science. 2025. No 11-1. С. 60-66.

- [7] Кохичко А. Н. Теория и практика самоопределения личности младшего школьника в русской национальной культуре / А. Н. Кохичко. — Мурманск : Мурманский областной институт повышения квалификации работников образования и культуры. 2012. 323 с.

- [8] Кохичко А. Н. Край, который я люблю : Учебное пособие для обучающихся 2-го класса общеобразовательных учреждений Мурманской области / А. Н. Кохичко. — Мурманск : Мурманский областной институт повышения квалификации работников образования, 2006. 143 с.

- [9] Рожков Р. С., Лопухов А. А., Мошкин А. С. Экономическая безопасность личности, общества и государства: нормативно-правовой аспект и проблематика // Вестник евразийской науки. 2024 . С. 1-12.

- [10] Саркарова Д. С., Саркарова М. М., Геворкян Д. П. Правовые основы обеспечения экономической безопасности: текущий анализ и перспективы развития // Прикладные экономические исследования. 2024 . С. 158-163.

References:

- [1] Stepanenko R.F., Soldatova A.V. // Legal ethnopolitics in strategies for ensuring national security of the state: problems of the general theory of law // Education and Law. 2018. pp. 37-41.
- [2] Katkov E.A. // Security measures as a legal category // Problems of Economics and Legal Practice. 2014. pp. 11-15.
- [3] Galuzo V.N. // The relationship between the concepts of “national security” and “law and order” // Criminological Journal. 2020. pp. 21-24.
- [4] Akhmetov I.A., Aminov. R.A. Constitutional foundations of state security of the Russian Federation // International journal of humanitarian and natural sciences. 2020. pp. 167-169.
- [5] Ivanov N. A. Combat sports as a way of recovery and rehabilitation of veterans and partici-

pants of the SVO / N. A. Ivanov, O. V. Avdeeva, S. B. Dmitriev // The World of Judo. 2025, No. 4. pp. 66-68.

[6] Ivanov N. A. Historical aspect and cultural significance of belt wrestling koresh (in modern society) / N. A. Ivanov // International Journal of Professional Science. 2025. No. 11-1. pp. 60-66.

[7] Kokhichko A. N. Theory and practice of self-determination of the personality of primary school students in Russian national culture / A. N. Kokhichko. - Murmansk: Murmansk Regional Institute for Advanced Training of Education and Culture Workers. 2012. 323 p.

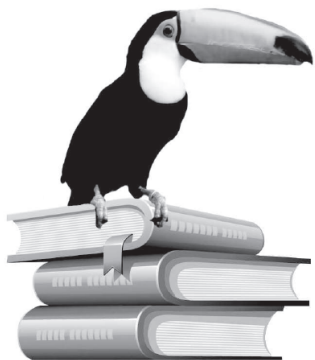
[8] Kokhichko A. N. The Land I Love: A Textbook for Second-Grade Students of General Education

Institutions of the Murmansk Region / A. N. Kokhichko. – Murmansk: Murmansk Regional Institute for Advanced Training of Education Workers, 2006. 143 p.

[9] Rozhkov R. S., Lopukhov A. A., Moshkin A. S. Economic Security of the Individual, Society, and the State: Normative-Legal Aspects and Problems // Bulletin of Eurasian Science. 2024. pp. 1-12.

[10] Sarkarova D. S., Sarkarova M. M., Gevorkyan D. P. Legal Foundations for Ensuring Economic Security: Current Analysis and Development Prospects // Applied Economic Research. 2024. pp. 158-163.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.